

Евгений
Цеширко

ХТОНЬ

История одной общаги

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-57

Оформление серии и рисунки Юлии Межовой

Чеширко, Евгений.

Ч-57 ХТОНЬ. История одной общаги : [роман] / Евгений Чеширко. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-17-171769-8

Евгений Чеширко — автор легендарного «Дневника Домового», который прочитали более 2 000 000 пользователей Рунета. Книги по вселенной Домового разошлись тиражом более 150 000 бумажных копий и продолжают переиздаваться.

Роман «Хтонь» — самая необычная книга автора. Новые герои — не забавные обитатели волшебного мира, а обычные люди, вы и ваши соседи.

Хтонь — это тьма в углу комнаты.

Хтонь — это шум, грязь и крики беспокойных соседей.

Хтонь — это ты сам, когда пытаешься не замечать тех, кто рядом.

Он живет в обычном общежитии. Здесь каждый день — испытание на прочность, где главные враги — несносные соседи, вечный бардак и собственное одиночество, которое с каждым днем становится все плотнее, как эта странная тьма в углу его комнаты.

А может, ХТОНЬ — это то, что живет в каждом, кто слишком долго был один?

Книга с мистическим душком — о страхе перед чужими и о том, как трудно принять, что ты не один в этом мире.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-171769-8

© Евгений Чеширко, текст, 2025
© Межова Ю. С., иллюстрации, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Часть первая

Энтропия

Надоел уже этот Темный. Снова сидит в своем углу. Раньше я его боялся, сейчас же он меня просто раздражает.

У него нет ни глаз, ни рта, ни ушей — он просто бесформенное черное нечто, которое растворяется, если посмотреть на него в упор, и снова материализуется в пространстве, если отвести взгляд в сторону. Я вижу его только периферийным зрением. Он не перемещается и не производит никаких звуков, которыми может выдать себя, но я всегда знаю, что он уже здесь. Я не чувствую его взгляда, но в полной мере ощущаю его внимание ко мне. Он не приносит мне никакого вреда, не пытается напугать или свести с ума. Он просто наблюдает, а я иногда наблюдаю за ним. А что еще мне остается? Я называю его Темным, но с таким же успехом мог бы назвать Мутным или даже Дымным. Вряд ли он обиделся бы.

Конечно же, я никому о нем не рассказываю. Не хватало еще прослыть идиотом. К тому же родители с детства прививали мне материалистическое мировоззрение, которого я придерживаюсь до сих пор.

Размышляя над этим явлением, я пришел к выводу, что появление Темного каким-то образом связано с моей психикой, что это всего лишь некая игра разума. В пользу этой версии говорит и то, что он всегда появляется ночью, в момент моего пробуждения. Полагаю, что сознание проецирует образы сна в реальность, тем самым вызывая зрительные галлюцинации. Они же, в свою очередь, снова анализируются мозгом, придавая этому явлению некие характеристики вроде ощущения наблюдения за мной. Придя к такому выводу, я стал спокойнее относиться к появлению Темного, но сказать, что я привык к нему и чувствую себя спокойно в его присутствии, конечно же, не могу.

Он появляется в моей комнате примерно раз в месяц, иногда чаще, иногда реже. Как я уже говорил, в этот момент я просыпаюсь и сразу же понимаю, что он здесь. Я замечаю его присутствие боковым зрением и перевожу взгляд на него. Темный тут же растворяется, и я вижу угол комнаты. Если ночь лунная, я могу рассмотреть даже край неровно приклеенных обоев, криво поднимающийся от пола к потолку, но стоит отвести взгляд в сторону, как тьма сгущается, и он снова здесь. Для того чтобы он исчез, нужно включить свет или сделать гимнастику для глаз — поворачивать ими по кругу и крест-накрест. Как правило, это помогает и он исчезает, что опять же подтверждает мои мысли о том, что Темный — всего лишь зрительная галлюцинация и плод моего воображения.

Но сейчас он снова в углу. Я лежу на спине и смотрю в потолок. Сегодня мне не хочется его прогонять.

— Зачем ты приходишь, Темный?

Конечно, он не ответит.

— Если бы ты существовал на самом деле, мы могли бы даже подружиться. Как думаешь? Да, согласен, это была бы странная дружба. Я рассказывал бы тебе о своих радостях и неудачах, а ты так же сидел бы молча и наблюдал за мной. Нам непременно нужно было бы придумать какой-нибудь метод общения. К примеру, если бы ты соглашался со мной, то темнел чернее обычного, а если бы возражал — менял цвет. Ты умеешь менять цвет? С помощью цвета ты мог бы выражать свои эмоции. Посветлел — значит, тебе радостно, покраснел — стыдно, позеленел — досадно. Почти как у людей. Как у людей...

Я ловлю себя на мысли о том, что разговариваю с галлюцинацией. Все же с этим нужно что-то делать. Я поднимаюсь с кровати, включаю свет, растираю виски и начинаю вращать глазами. Темный исчезает. Он не любит свет и гимнастику для глаз. Сомневаюсь, что он вообще хоть что-то любит в этом мире.

202 — это номер моей комнаты. Она находится на втором этаже общежития, расположенного почти в самом центре города. Я предпочитаю называть комнату жилищем. Жилище — именно то слово, которое как нельзя лучше характеризует это пространство. Здесь можно спать и есть, можно даже попытаться сделать комнату уютной, натащив в нее мебели и расставив по углам горшки с цветами, а на стенах развесив картины с натюрмортами или, на худой конец, с пейзажами. Но всё же это жилище — здесь невозможно почувствовать себя дома. Как ни пытался я сродниться с этой комнатой, как ни старался подружиться и найти хоть что-то, что могло бы нас сблизить, сделать одним целым, ничего у меня не вышло. Эта комната — как вредная и спесивая женщина, с которой работаешь в одном офисе. Мы явно не нравимся друг другу, но нам приходится как-то общаться и даже улыбаться при встрече, прекрасно зная, что если бы не общее дело, мы просто избегали бы друг друга и отворачивались при встрече, делая вид, что незнакомы и знать друг друга не хотим. У нас с ком-

натой тоже есть общее дело — я не даю превратиться ей в заброшенное грязное помещение, она же позволяет мне чувствовать себя человеком, у которого есть пристанище, в котором можно отдохнуть от окружающего мира.

Комната досталась мне по наследству от деда. Когда-то он получил ее от государства по линии профсоюза и даже успел пожить в ней несколько лет. В девяностые он вышел на пенсию и со своей женой — моей бабушкой — переехал в деревню, где построил домик, в котором и жил до конца своих дней. А комнату в общежитии приватизировал и сдавал в аренду. В деревне эти небольшие деньги были неплохим подспорьем. Я узнал о ней лишь после его смерти и оглашения завещания. Свой дом в деревне дед завещал жене — моей бабушке и дочери — моей маме в равных долях, а комнату решил оставить мне, своему единственному внуку. На тот момент мне только исполнилось двадцать четыре года, я работал и снимал однокомнатную квартиру на самой окраине города вместе с двумя студентами медколледжа. Стоит ли говорить, как я обрадовался такому подарку судьбы? Да, подарок был неразрывно связан с печальным событием, но молодость не терпит тоски и уныния. Не дожидаясь вступления в наследство, я выселил из комнаты арендаторов и переехал в свое собственное первое жилище.

Само общежитие — это трехэтажное здание постройки середины прошлого века. Весь первый этаж пару лет назад был выкуплен, а вскоре там открылся продовольственный магазин. С одной стороны, это было на руку жильцам общежития, ведь раньше им

приходилось ходить за продуктами в магазин в соседнем квартале, с другой же — магазин прибавил им проблем, так как в комнатах, находящихся в конце коридора, жизнь стала еще менее комфортной из-за гудения холодильников, которые располагались в складском помещении прямо под ними.

Второй и третий этажи занимаем мы, жильцы общежития. Я не знаком со всеми обитателями третьего этажа — с ними я изредка встречаюсь на лестнице или же на общих собраниях, — но я точно знаю, что надо мной в такой же комнате живет студент. С этим соседом мне повезло — он типичный ботаник и никогда не устраивает в комнате сборищ и посиделок. Единственные звуки, которые я иногда слышу сверху, похожи на падение чего-то тяжелого на пол. Думаю, это падают книги, которые он не может удержать в своих худеньких руках. Хотя вполне возможно, что я слышу звук падения самооценки после его очередного неудачного знакомства с какой-нибудь однокурсницей.

Однажды я сидел во дворе на скамейке и смотрел на окна нашего общежития. И в мою голову пришла интересная мысль. Если не брать во внимание остальные комнаты, а рассмотреть только те помещения, которые расположены под и надо мной, то это очень похоже на действующую модель пирамиды потребностей человека. По первому этажу неспешно бродят люди. Вся эта толпа хорошо одетых людей с важным видом, но совершенно пустыми глазами, таскающая по магазину корзинки с продуктами, озадачена тем же самым вопросом, каким были озадачены все люди с самого начала истории — что они будут сегодня

есть? Вот этот здоровяк, рассматривающий куриные внутренности, выложенные на прилавке, та девушка, тонким пальчиком указывающая на карпа в аквариуме, которого сейчас выташат из воды и, рубанув для приличия по голове обухом топора, вскроют ему брюхо. Девушка скажет «спасибо», положит рыбу в корзину — и одной проблемой в ее голове станет меньше: сегодня она будет сыта. Вон тот старик в странной шляпе, который зачем-то трясет возле уха банкой тушенки и очень внимательно вслушивается в издаваемый ею звук. В магазине много людей, и все они чем-то похожи. Их взгляды равнодушные и отрешенные, они не смотрят друг на друга, лишь на прилавки. Я ни разу не видел в продуктовом человека с ясным, осмысленным и твердым взглядом. Там, где много еды, человек перестает думать. Не зря же именно эта потребность заложена в основание пирамиды Маслоу.

А на третьем этаже сидит одинокий студент. Он занят осуществлением самой высшей своей потребности — в познании мира и самореализации. Скорее всего, он голоден. Впрочем, из-за его худобы мне кажется, что он ни разу в жизни даже и не пробовал есть. А сытый голодного не разумеет. Люди с корзинками в магазине знать не хотят о великом, а студенту плевать на колбасу по акции — он занят познанием.

А между ними я, который рад тому, что рядом есть магазин с едой и человек, который не доставляет мне проблем своим существованием. Я, который так же бродит с корзинкой и рассматривает пустым взглядом красные ценники. Я, который радуется хорошей компании и бутылке вина. Я, который иногда даже

выделяет деньги с зарплаты на покупку умной книги. Я — человек, который любит пофилософствовать, но далеко не всегда умеет сделать хоть какой-нибудь практический вывод из своих измышлений.

Меня зовут Филипп Казанцев. Я часто спрашивал у родителей, почему они дали мне такое странное имя. В нашем роду не было Филиппов, а из известных людей с таким именем я знал только Киркорова и отца Александра Македонского. Внятного ответа от мамы и папы я не получил до сих пор. Просто им когда-то понравилось звучание этого имени, вот и все. Впоследствии мне стало известно и его значение. Оказалось, что «Филипп» переводится с греческого как «любящий лошадей». И снова мои родители промахнулись. Нет, я люблю животных, это правда, но особой симпатии именно к лошадям за собой никогда не замечал. Мне больше нравятся кошки, но однажды узнав о том, что наука о кошках называется фелинологией, я понял, что имя «любящий кошек» звучало бы еще хуже — Филфелин или просто Филфел. Пожалуй, лучше я буду любить лошадей, чем называться Филфелином.

Нумерация комнат в нашем общежитии начинается от выхода на лестничную площадку по часовой стрелке. В первой комнате от лестницы под номером 201 живет семья Романовых. Главу семейства зовут Николаем. Я слышал, что царь Николай Второй был чуть ли не самым курящим царем за всю историю династии. Коля же, в отличие от своего тезки, представляет собой, наверное, самого упорного борца с этой вредной привычкой со времен царского

режима. Кажется, он бросает курить каждый понедельник, каждое первое число месяца, после каждого дождя, после заката и после первой птицы, пролетевшей мимо его окна. Коле тридцать лет. По его словам, он пытается бросить с двадцати шести, но все никак не получается. Как он сам объясняет причины своих неудач: «Да как тут бросишь? То одно, то другое...». Лучше и не скажешь.

У Его Величества есть жена Наталья и шестимесячная дочь Вера. Иногда люди говорят, что знают того или иного человека с рождения, я же могу сказать о Верке, что знаю ее с зачатия, потому что в нашем общежитии очень плохо обстоят дела со звукоизоляцией. Когда девочка родилась, Коля напился так, что его пришлось буквально на руках тащить из общей кухни в комнату и укладывать спать, потому что он то и дело пытался вскочить и уехать к родному писать на асфальте слова любви, посвященные жене. На мой вопрос о том, какие именно слова он хотел бы написать, Коля не ответил, а просто молча уставился на меня мутным взором, затем пустил слезу, после сказал, что я ничего не понимаю и никогда не пойму, а вскоре и вовсе уснул сном младенца. Возможно, что кого-то из присутствующих эта реакция и удивила, но только не меня. Ругань Наташи и Коли я слушал раз в два-три дня с самого момента моего заселения в общежитие. Мне всегда казалось, что они ненавидят друг друга и даже не скрывают этого, а вон как получилось — даже ребенка родили. Не могу сказать, что это событие как-то повлияло на их отношение друг к другу — меньше ругаться они не стали, но теперь хотя бы стали делать это тише. Впрочем,